

«МНЕ БЫЛО ТОГДА ШЕСТЬ ЛЕТ...»

Тетя Люся уже почти не выходит из дому. Болят ноги. Иногда, в праздник заглянет к нам в соседнюю квартиру, принесет конфет.

Людмила Николаевна Ердякова — дитя блокады, ветеран труда, мать, бабушка и прабабушка, медали свои показывает не с гордостью — с горечью.

— Много хлебнули. Горя, страха. Мне было шесть лет, когда началась блокада. Сначала померли отчим и его дети. Мы остались вдвоем с мамой. Жили тогда на Васильевском острове, в деревянном доме. А ведь на Васильевском сплошные оружейные заводы, его все время бомбили.

Бомбежки помню хорошо. Грохот, зарево... Была Пасха, и мы с мамой решили не прятаться в бомбоубежище, подумали, ведь немец — тоже человек. Не будет бомбить сегодня. Достали дров, которые еще отчим заготовил, растопили печь. Сели чай пить из самовара. Ну, какой чай. Воду кипяченую без заварки и сахара. Господи! Что тут началось! Страшная бомбежка. Просто страшная. Мы с мамой лежали на кроватях, и все вокруг тряслось и подпрыгивало.

А потом дсм наш разбомбили. Фугасный снаряд лопал. Все снесло. Нетронутыми остались только иконки да машинка швейная Зингер. Уже потом, проходя мимо развалин, я вспомнила: до войны любила есть булку с маслом, посыпанную сахаром. Масло и сахар слизывала, а булку в стенную щель пихала. Глошпа. Искать, да где там, одни крысы стаями разбежались.

— Люсенька, что-то ты все ужасы рассказываешь, — вошел в комнату сулруг Людмилы Николаевны.

— Так ведь что еще про блокаду расскажешь. Одной водой питались. Немного хлебушка откусишь, да за-

пиваешь теплой водой. Спасали дрoва и самовар. У нас хотя бы телло было. И гадости никакой мы не ели! А те, кто ели, уходили раньше. Летом мама лепешки из травы пекла. У тетки огород был. Мы пришли однажды за травой, и я заметила одну клубничку, съела ее быстро. А тетка меня за то по рукам отхлестала.

Потом маму в больницу положили, а меня сдали в детский сад. Уж не помню даже куда. А только заблудилась как-то в подъезде, забыла, где садик. И выходит тут женщина, с первого этажа, зовет: «Иди сюда, девочка, иди». А я вспомнила, что сад на втором этаже. Как бросилась бежать. Перепугалась. Ведь ели тогда людей.

Пока мама была в больнице, прорвали блокадное кольцо, и в Ленинград приехал мой дядька. Привез маме в больницу буханку хлеба и бутылку водки. Она как брата увидела, так в обморок и упала. Долго без памяти лежала. Врачи прописали ей кусать хлеб и ложкой водки запивать. Так и подняли на ноги. А дядя пропал без вести потом. Долго мы ездили по захоронениям, искали фамилию. Живой. Представляете? Фамилия такая была — Живой.

Людмила Николаевна рассказывает сбивчиво, вздохнет и стоя, хотя ноги уже совсем больные. Говорит без слез, только смотрит куда-то в одну точку, как ее незрячий муж.

— Все-то ты, Люсенька, о грустном, — снова вздыхает Борис Прокофьевич. — А ведь мы с ней уже четыре года как золотую свадьбу справили! Хоть и инвалиды оба, а живы, и вместе. И семья у нас большая. Деги, внуки, правнуки.

И действительно, дом у четы Ердяковых светлый, чистый, уютный. «Золотой мой», — говорит тетя Люся о муже...

Мария ДУБРОВИНА